

О "ПУТЕШЕСТВИИ В АРЗРУМ"

Источник: Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969.

Под. ред. ак. В. В. Виноградова. Составление В. А. Каверина и З. А. Никитиной.

Электронная версия: Александр Продан.

Оригинал находится по адресу: **Библиотека Александра Белоусенко**

1

1828 год был тяжелым годом в жизни Пушкина. Дело о распространении стихов "Андрей Шенье" (март 1828 г.), расследование "по высочайшему повелению" "по жалобе, принесенной крепостными людьми митрополита Серафима" о развращающем влиянии на них "Гавриилиады" (июнь--июль), кончившееся установлением секретного надзора (август), допросы Пушкина, подписка в том, чтобы он ничего не выпускал без цензуры (август); с другой стороны -- идеологическая ссора с Катениным, в "Старой были", посвященной Пушкину, обвинявшим его в лести самодержцу, -- Катениным, являвшимся одним из представителей старых друзей, -- таков этот мучительный год.

На просьбу Пушкина об определении его в действующую против турок армию -- следует ледяной "высочайший" отказ (20 апреля). На завтра следует просьба Пушкина об отпуске на 6--7 месяцев в Париж. Через 2 дня получен отказ. Желание ехать либо в Грузию, либо в чужие края засвидетельствовано еще в письме к брату от 18 мая 1827 г. Одновременно и Вяземский приходит к дилемме: "или в службу или вон из России". Желанием "экспатрироваться" проникнуты письма П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу 1827--1829 гг.¹

Не прося более разрешения властей, Пушкин 5 марта 1829 г. берет подорожную в Тифлис и 1 мая выезжает в Грузию. Между тем уже 22 марта Бенкендорф сообщает о его поездке с.-петербургскому военному генерал-губернатору и делает распоряжение о слежке. Этим объясняется как усиленная слежка во все время пребывания Пушкина на Кавказе, так и то обстоятельство, что Паскевич разрешил Пушкину прибыть в действующий корпус: без сомнения, причиной была не только надежда самолюбивого Паскевича, что Пушкин воспоет его подвиги, но и удобства непосредственного наблюдения над опальным поэтом.

Между тем не следует забывать намерения -- ехать либо в Грузию, либо "вон из России". Здесь, может быть, особое значение приобретает фраза в письме Вяземского к жене от 7 мая 1828 г. (т. е. уже после отказа Пушкину в разрешении поездки на театр военных действий и в Париж) : "Пушкин едет на Кавказ и далее, если удастся". Слова "далее, если удастся", могут означать самый театр военных действий (Закавказье), хотя следует отметить, что на языке того времени театр этот был именно "на Кавказе". Быть может, слова "и далее" имеют здесь более широкое значение.

В "Путешествии в Арзрум" (глава 2) есть место, показывающее, как мысль о "загранице" сочеталась с путешествием в Арзрум. "Вот и Арпачай", -- сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата... Никогда еще не видел я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России".

Недозволенная поездка Пушкина входит в ряд его неосуществленных мыслей о побеге.

2

П. А. Вяземскому принадлежит точная формулировка отношения к кампаниям 1828--1829 гг. группы недовольных: "Война турецкая не дело отечественное, она не русская брань 1812 года". У Вяземского это отношение было резко выражено. В письме к жене от 18 марта 1828 г. он пишет: "У нас ничего общего с правительством быть не может. Je n'ai plus ni chants pour toutes ses gloires, ni larmes pour tous ses malheurs" ("У меня нет ни песен для всех его подвигов, ни слез для всех его бед"²). Если отношение Пушкина к кампаниям 1828--1829 гг. выражает * я формулою:

Россию вдруг он оживил

Войной, надеждами, трудами,³

* "А. П. Ермолов. Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным". М., 1864, стр. 413.